А. В. Блюм

ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ «ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» В ОЦЕНКЕ ЦАРСКОЙ ЦЕНЗУРЫ

(ПО ДОКУМЕНТАМ «КОМИТЕТА 2-го АПРЕЛЯ 1848 г.»)

«Губернские ведомости», которые начали повсеместно выходить с 1838 г. и в течение долгого времени были единственными органами провинциальной прессы, постоянно привлекали к себе внимание самых различных специалистов по истории русской культуры. Большой интерес они представляют и для этнографов и фольклористов в связи с публикацией на страницах так называемой «неофициальной части» «Губернских ведомостей» исследований местных краеведов, а также записей народных песен, сказок, легенд, пословиц, загадок. Блестящую характеристику фольклорно-этнографического материала, помещенного в первых газетах русской провинции, дал М. К. Азадовский, заметивший, что «... местные губернские ведомости явились как бы неким резервуаром местных интересов и сохранили на своих страницах ценнейшие материалы, сообщенные местными собирателями и бытописателями, тем более ценные, что часто имели уникальный характер» [1].

С «Губернскими ведомостями» произошла весьма типичная для многих правительственных мероприятий царской России трансформация. Очередная бюрократическая затея правительства, решившего «даровать повременную печать» русской провинции, была использована демократическими кругами местной интеллигенции для более глубокого и всестороннего освещения жизни народа. Активнейшее участие в губернских ведомостях дореформенной России приняли многие выдающиеся деятели русской культуры — А. И. Герцен (в вятских и владимирских), М. Е. Салтыков-Щедрин (в рязанских), К. Д. Ушинский (в «Ярославских губернских ведомостях») и политические ссыльные (особенно петрашевцы в «Иркутских губернских ведомостях»).

Разумеется, такое нежелательное расширение программы «Губернских ведомостей» не могло пройти мимо внимания цензуры. За ними был учрежден тщательный и постоянный надзор. В архивах царской цензуры сохранилось довольно большое количество документов, рассказывающих о карательных мерах, направленных против публикаторской деятельности местных собирателей.

Наибольшее количество репрессий падает на эпоху печально знаменитого «Комитета 2-го апреля 1848 г.» (1848—1855), созданного Николаем I для «высшего надзора за книгопечатанием». Комитет выполнял функции карательного цензурного органа и рассматривал (уже после выхода из печати) решительно всю литературную продукцию России. Терроризированные этим, по выражению А. И. Герцена [2], «комитетом

[1] М. К. Азадовский, История русской фольклористики, т. II, М., 1963, стр. 215.
[2] А. И. Герцен, Полн. собр. соч., т. XIV, М., 1953, стр. 447.

общественной гибели» цензоры воздвигали на пути развития общественной мысли массу трудно преодолимых преград.

Для надзора за губернскими ведомостями комитетом были выделены три специальных чиновника, обязанные регулярно подавать сведения о наиболее «криминальных», с их точки зрения, материалах, опубликованных газетами. Бóльшая часть этих доносов касалась публикаций фольклорных записей. Первой жертвой всесильного комитета пали «Казанские губернские ведомости», опубликовавшие в № 41 за 1848 г. наряду с описанием некоторых обрядов крестьян Казанской губернии несколько народных песен. Особое внимание цензуры привлекла песня о волжских разбойниках. Чиновник комитета заметил, что подобные материалы, «изображающие древний быт и характер народа», могли бы быть терпимы лишь в специальных научных сборниках, но никоим образом не могут помещаться в губернских ведомостях, «...обращающихся во всех, а в том числе и самом низшем сословии, доступном, при степени своего образования, всяким влияниям»[3]. На первый раз цензору «Казанских ведомостей» было приказано сделать «соответствующее вразумление». Примечателен тот факт, что секретный сверхцензурный комитет, действуя по принципу «Что позволено Юпитеру, то не позволено быку», запрещал опубликовывать в местных газетах даже материалы, уже увидевшие свет в столицах. Так, цензор Родзянко нашел «неприличной» и «несовместимой с духом христианского учения»[4] статью «Примеры предрассудков, вкоренившихся между русскими со времен язычества», опубликованную в № 35 «Оренбургских губернских ведомостей» за 1851 г., несмотря на то, что это была лишь перепечатка из книги А. В. Терещенко «Быт русского народа», вышедшей в 1848 г. в Петербурге с разрешения духовной цензуры. Министр народного просвещения Норов, приказавший объявить выговор оренбургскому цензору, заметил, что книга Терещенко «...есть сочинение ученое, назначенное для употребления людям образованным и потому допускающим бóльшую терпимость в цензурном отношении»[5]. Эта статья была перепечатана также пензенскими и киевскими ведомостями, за что цензоры, «в связи с признанием многих приведенных в статье примеров противоречащими учению церкви»[6], получили строгое «внушение».

Особое внимание комитета привлекла публикация на страницах неофициальной части губернских ведомостей пословиц и поговорок. В 1853 г. почти одновременно цензурным репрессиям подверглись курские и самарские губернские ведомости. В апреле этого года министр народного просвещения получил следующее предписание комитета: «В неофициальной части «Курских губернских ведомостей» помещены материалы для описания Курской губернии. В № 11 этих ведомостей напечатана XII статья материалов под заглавием: «Народные игры, загадки, анекдоты и присловья жителей Суджанского и Рыльского уездов»[7]. По мнению Комитета 2-го апреля, едва ли следует допускать без разбора, и тем более в губернских ведомостях всего, что сохранилось в изустном предании, в особенности же если им нарушаются добрые нравы и может быть дан повод к легкомысленному или превратному суждению о предметах священных»[8].

---

[3] Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 483, т. 1/3— Отношение председателя Комитета 2-го апреля от 28 января 1849 г. № 22, л. 656.

[4] Центральный Гос. исторический архив Ленинграда (далее ЦГИАЛ), ф. 726, оп. 1, д. 14996, л. 1, 1851.

[5] ЦГИАЛ, ф. 726, оп. 1, д. 14996, л. 2, 1851.

[6] ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 1, ч. 1, д. 2671, л. 1, 1851.

[7] Сообщил А. Дмитрюков.

[8] ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 1, ч. 2, д. 3057, л. 2, 1853; см. также: Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 483, т. 1/1, лл. 120, 121.

В частности, наибольшие претензии комитета вызвали следующие загадки: «Родился — не крестился, умер не спас, богоносцем был» (осел); «На свете жил и богу служил, а умер ни в святых, ни в грешных» (то же); «Вышел дед семьдесят лет, вынес внучку старше себя» (священник с евангелием). Считая подобные загадки неприличными, комитет предложил «...принять на будущее время меры, чтобы не пропускались такие предания, которых, конечно, нет никакой пользы сохранять в народной памяти чрез печать» [9]. Вслед за этим цензура обратила внимание на поговорку «до бога высоко, до царя далеко; солдат близко, кланяйся ему низко, а не то бок «натянет»» [10], приведенную в «Поговорках поселян Самарской губернии». Цензор Струйский, просматривавший этот номер ведомостей, донес комитету: «Хотя поговорка и появилась до выхода в свет распоряжения 15 апреля 1853 г. о порядке рассмотрения поговорок [11], ...но поговорка эта, которая объясняет обязанность повиновения исключительно чувством страха, не должна была появиться в печати. Тем более, что редакция в примечании говорит, что эти „афоризмы резко" характеризуют народ российский и что это умные речи, переходящие из рода в род» [12].

Большой интерес представляет реакция цензуры на статью Ф. Подобеда «Богатыри» [13]. Ф. Подобед, местный краевед, анализируя белорусские предания о богатырях, сравнивает их с аналогичными памятниками русского фольклора и отмечает различия в трактовке образа богатыря в русских сказках и белорусских преданиях. По поводу отдельных мест этой статьи цензор задает ряд вопросов и среди них следующий: «Любопытно бы знать, кого подразумевает автор в тех гениях рода человеческого, которые, по его словам, родившись среди горя и несчастий, вдруг являются в мир из тесного круга и облеченные могуществом и славою, чтобы доставлять покров и защиту преследуемым, утирать слезы несчастным, отмщать злобу и неправду?» [14]. «Вообще статья о богатырях,— заключает цензор,— пустая, противная в приведенных местах христианской религии и, по заключению в ней о гениях, вредна в административном отношении» [15]. Серьезные возражения у цензора вызвала и статья Ф. Подобеда «Чаровники», помещенная в следующем (19-м) номере «Могилевских губернских ведомостей», так как в ней «...описываются суеверные понятия простого народа без доказательств о их несправедливости» [16].

Систематическая публикация фольклорно-этнографических материалов на страницах первых местных газет России встретила решительное сопротивление мракобесов из «Комитета 2-го апреля». Например, «Киевские губернские ведомости» и все другие газеты, выходившие в Киевском учебном округе, в 1854 г. потеряли право местной цензуры именно фольклорного материала. До этого ведомости цензуровались на месте, одним из гимназических учителей, но 28 января 1854 г. Главное управление цензуры вынесло следующее, весьма симптоматичное решение: «Вменить в обязанность цензирующим неофициальную часть губернских ведомостей: все статьи, заключающие в себе местные предания, поверья, пословицы, песни и т. п., равно содержания исторического и вообще такие, одобрение коих может зависеть от особенных соображений,— представлять для рассмотрения в Киевский цензурный комитет» [17].

---

[9] В. В. Стасов, Цензура в царствование Николая I, «Русская старина», 1903, сентябрь, стр. 661.

[10] «Самарские губернские ведомости», 1853, № 6.

[11] Цензор имеет в виду предыдущее цензурное распоряжение.

[12] ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 1, ч. 2, д. 3052, л. 2 об., 1853.

[13] «Могилевские губернские ведомости», 1851, № 18.

[14] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, д. 51, л. 89, 1851.

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] «Сборник распоряжений по цензуре с 1828 по 1862 год», СПб., 1862, стр. 38.

Очевидно, наиболее «криминальными», с точки зрения цензуры, были на-
родные песни, публиковавшиеся в газетах. В связи с этим 24 сентября
1854 г. было дано «высочайшее повеление», объявленное комитетом:
«Народные песни, предаваемые печати, должны быть подвергаемы столь
же осмотрительной цензуре, как и все другие произведения словесности;
не должны быть пропускаемы такие, в которых воспевается разврат, по-
зорящий и разрушающий семейный быт, ибо желательно, чтобы подоб-
ные песни, если они точно живут в народе, искоренялись в самых его
преданиях, а не поддерживались и обновлялись в памяти появлением их
в печати, в особенности, в губернских ведомостях»[18].

Архивные документы цензуры красноречиво свидетельствуют об
охранительных тенденциях «Комитета 2-го апреля 1848 г.», стремивше-
гося знакомить читателей лишь с дистиллированными фольклорными
материалами в духе официальной народности. Царское правительство
благосклонно встречало лишь те материалы, которые могли служить
идеологическим обоснованием идеи незыблемости крепостнического
строя в России. Все, что хоть отдаленно противоречило основным дог-
матам официальной идеологии и триединой формуле — «самодержавие,
православие, народность», подвергалось решительному запрещению.

---

[18] «Сборник распоряжений по цензуре с 1828 по 1862 год», стр. 40.